

ПСИХОАНАЛИЗ ТЕРРОРИЗМА

Психоанализ терроризма. Терроризм – геополитическая или внутриспсихическая угроза?

Т. А. Шаманова

Шаманова Татьяна Александровна – магистр психологии (НИУ ВШЭ), психоаналитически ориентированный консультант.

Терроризм как явление широко распространен и известен достаточно давно, однако сегодня в свете разбалансировки в мировой политической и экономической системе и присутствующей на этом фоне открытости социальных границ сформировались благоприятные условия для его распространения. Популяризация западного образа жизни, основанного на интенсивном потреблении продуктов и услуг, которые недоступны жителям развивающихся стран, обнажают культурную и экономическую пропасть между странами первого и третьего мира. В то время как жители благополучных стран исполняют роли добросовестных потребителей во имя процветания своих государств, наблюдающие за этой жизнью жители бедных стран с неэффективной экономикой чувствуют себя еще более угнетенными. Трудная жизнь в неблагополучных странах приводит к распространению терроризма в условиях критического расслоения мирового сообщества. Главная задача террористов – путем насильственных действий создать угрозу народам и правительствам, кого они считают угнетателями или врагами. Это в конечном счете должно привести к изменению существующей модели общества (Rajeswari, 1999). Что, если мы посмотрим на это явление изнутри человеческой психики всех действующих сторон этого конфликта: членов террористических групп и их оппонентов, ведущих «войну с терроризмом»? Каковы внутриспсихические причины, приводящие к распространению терроризма? Может ли человечество жить в мире или терроризм отражает потребность человеческой цивилизации в войне? Какую роль в физическом истреблении других людей играют психическая инстанция Супер-Эго и защитные механизмы проекции и проективной идентификации? «Почему мы так ненавидим войну, вы и я и многие другие, почему мы не воспринимаем ее столь же естественно, как мы воспринимаем всякие иные досадные

горести жизни? Ведь война как будто вытекает из самой природы вещей, имеет под собой твердую биологическую основу, и на практике ее едва ли можно избежать» (Фрейд в письме Эйнштейну).

Фрейд первым выдвинул идею о том, что война дает выход подавленным импульсам, а именно – влечению к смерти, которое неизбежно присутствует в психике каждого живущего человека. Поскольку влечение к смерти сложно выносить психически, чтобы избежать чрезмерной перегрузки, психика трансформирует внутреннюю психотическую тревогу в реальную внешнюю опасность, для того чтобы иметь возможность контролировать ее. Таким образом, международный терроризм и так называемая «война с терроризмом» могут быть необходимым объектом для внутренней агрессии современной цивилизации (Byles, 2003).

В этой статье мы рассмотрим через психоаналитическую призму вопрос о том, почему война и современное проявление войны в виде терроризма кажутся неизбежной и неискоренимой частью человеческой истории, о чем Фрейд пишет в своем письме Эйнштейну, и может ли цивилизация перейти на новый этап развития, оставив военные действия в прошлом.

Ключевые слова: терроризм, цивилизация, государство, проективная идентификация, Супер-Эго, проекция, девальвация женского, внутриспсихический конфликт.

Терроризм: определение и причины возникновения

С позиции политологии мы определяем терроризм как такую форму насилия, которая направлена против мирных жителей и основополагающей целью которой является внушение страха целевой аудитории. Салман Ахтар пишет следующим образом: «Понятие терроризма относится к насильственному выражению политической повестки дня организованной группы лиц, которые связаны друг с другом ненавистью к общему врагу и любовью к совместной политической, этнической или идеологической цели».

Первоначально термин «терроризм» возник в связи с подавлением со стороны государственной власти неповиновения и инакомыслия среди своих граждан во времена эпохи террора 1793–1794 годов во Франции. Ужасающая традиция «терроризма сверху» находит дальнейшее развитие в мировой истории во времена геноцида армян (1915–1923), сталинских репрессий (1920–1950) и, в частности, Большого террора 1937–1938 годов, холокоста Гитлера (1933–1945), полей смерти в Камбодже 1975–1979, военной диктатуры в Чили (1973–1990).

Вместе с тем пристальное внимание общественности сегодня обращено к «терроризму снизу» – действиям сравнительно небольших групп людей, которые по реальным или мнимым причинам считают себя униженными или бесправными (Akhtar, 2017). И хотя подавляющее большинство террористических нападений сейчас осуществляется со стороны радикальных мусульманских групп, религиозно-политическое насилие

характерно для широкого круга мировых религий, а не только ислама. Например, Крестовые походы XI–XV вв., направленные против всех негодных римско-католической церкви.

Джессика Стерн говорит о том, что причиной, по которой люди вступают в религиозные террористические группировки, является желание преобразить и упростить жизнь (*Goodwin, 2004*). Людьюми движет чувство стыда и негодования, унижения и возмущения, что кто-то другой считает их второсортными. Они возводят себя в статус мученика (смертника) во имя предполагаемого духовного дела. Подобный набор чувств экстремально сложен для полноценной интеграции со стороны человеческой психики, в то время как путь разрядки через действие намного быстрее. Результатом выбора в пользу «агирования» в контексте рассматриваемой нами темы является то, что члены группировок возводят себя в статус мученика или смертника под эгидой «великого» духовного дела. Это помогает им входить в своего рода транс, где мир четко разделен на добро и зло. Это то, что в широком смысле понимается в психологии под понятием расщепления – примитивного защитного механизма человеческой психики, доступного нам с первых месяцев нашей жизни. При этом предсмертный экстаз смертника во многом носит сексуальный характер. Существует глубинная эквивалентность агрессии, сексуального возбуждения и травматических действий. Массовые убийства и взрывы смертников несут в себе мощнейшую экстатическую разрядку для преступников, совершающих эти действия.

Возвращаясь к культурно-экономическим причинам возникновения терроризма на примере Ближнего Востока и Южной Азии, мы сталкиваемся с вопросом, только ли бедность, низкий уровень жизни и потребность утешения в религии могут выступать причинами возникновения и распространения терроризма?

Джессика Стерн утверждает, что бедность вряд ли может быть причиной насилия, однако богатство и образование положительно коррелируют с терроризмом. Простая взаимосвязь между бедностью и преступностью не может быть экстраполирована на структурную взаимосвязь между бедностью и терроризмом. Кристин Фэйр из Джорджтаунского университета зафиксировала подобное явление в Пакистане. Используя данные о 141 убитом боевике, она обнаружила, что боевики в Пакистане вербуются из среднего класса и хорошо образованных семей. Большинство террористов – это образованные люди, которые так сильно верят в правоту своего дела, что готовы умереть за него (*Mehmood, 2013*).

Терроризм и психоанализ. Роль Супер-Эго в выражении агрессии внутри и вовне

Одним из величайших вкладов, который психоанализ может внести в любые обсуждения и дебаты, является возможность понять внутрииндивидуальные, семейные и социокультурные процессы с точки зрения как конфликта, так и взаимодействия конкурирующих сил, которые сталкиваются, но также определяют и взаимно дополняют друг друга.

В культурной памяти человеческой цивилизации живет тяжелая историческая травма, которая передается из поколения в поколение, в основном в форме чувства стыда и вины выжившего, которые должны быть искуплены. Это прямым способом приводит к возникновению терроризма: культура, которая жестока со своими детьми и прививает слепое повиновение властям, создает террористов-смертников. Все это осложняется тем, что мир уже повсеместно столкнулся с воздействием терроризма, который погружает людей в когнитивную регрессию, поскольку происходит процесс десимволизации, а именно замены «представления/репрезентации» на прямую «презентацию». Таким образом, способность облекать идеи и чувства в слова – символизировать – нарушается. Психическая жизнь становится «бедной», сны, если и снятся, то очень буквальные, механистические, в психике нет места для творчества, объемных живых фантазий.

Арно Грин говорит, что за терроризмом и насилием скрывается внутренняя пустота, поскольку внутри личности человека не смогла сформироваться идентичность, способная к состраданию и чувствительности к собственной боли и боли Другого. Вместо этого возникает структура идентичности, основанная на отождествлении с властью и подчинением. Важным аспектом здесь становится ненависть к женщинам и презрение к сексуальности, коренящиеся в архаическом страхе перед всемогущей матерью (*Wurmser, 2004*). Идеализация фигуры генерала/предводителя (символического пениса) и объединение вокруг него спасают этих людей от внушающей бессознательный страх всемогущей матери.

Ключевые конфликты Супер-Эго по поводу чувства стыда и вины, справедливости и несправедливости, системы ценностей и авторитета являются своего рода системообразующими в проблематике терроризма. Как говорит Джессика Стерн, призыв очистить мир через убийство посредством дегуманизации противника, исключая сочувствие, «живет» в Супер-Эго.

Далее мы рассмотрим особенности функционирования внутренней психической инстанции Супер-Эго как в масштабах психики отдельного индивида, так и в масштабе государства как большой группы в базовом допущении. *Helicopter view* в отношении того, как функционирует Супер-Эго индивида и Супер-Эго всего государства, частью которого является индивид, является критическим для понимания масштабируемости внутриспсихических конфликтов отдельного человека и их эквивалентности внутри- и межгосударственным конфликтам. Подобно тому как отдельный индивид выводит свои внутренние конфликты в реальность, чтобы проиграть их со своим окружением с целью получить разрядку, так же и государство как группа лиц, принимающих решения, развязывает внешнеполитические конфликты по образу и подобию внутренних конфликтов этой группы.

Террор сверху и военные действия приводятся в действие отдельными лицами, собранными в группу по политическому признаку («политическая верхушка»), и в зону полномочий этой группы входят решения о применении насилия вплоть до убийств, военной аннексии территорий

и граждан. В военное время Эго индивида в попытке справиться с психическим напряжением расщепляется на предельно амбивалентные чувства (любовь и ненависть) в отношении привычных объектов идентификации и противника (символического Другого). Поэтому формируется готовность солдата или террориста пожертвовать своей жизнью ради своей нации или лидера, с которыми идентифицируется индивид. При таком раскладе он не чувствует себя виноватым, так как разрушительные импульсы, мобилизованные его собственным и государственным Супер-Эго, спроецировали чувство вины за убийства на врага. Таким образом, присвоение вины за совершение убийств врагу является фундаментальным во влиянии государственного Супер-Эго на индивидуальное. При этом высокий процент ПТСР у солдат, прошедших войну, говорит о превалировании влияния индивидуального Супер-Эго над государственным в мирное время, так как появляется стремление к самонаказанию у индивида, даже если большая часть вины была спроецирована на врага во время совершения военных действий. Для многих людей убийство врага не может быть искренне оплакано и прогоревано, поэтому в психике остается пустота, и этот непоправимый поступок нужно проживать снова в цикле навязчивого повторения. Здесь мы можем говорить о том, что люди могут видеть сны о совершенных убийствах или впадать в галлюцинации наяву либо диссоциировать травматический опыт, лишаясь возможности психически его интегрировать.

Индивидуальное Супер-Эго

В своей теории влечений Фрейд сформулировал неизбежность противоборства внутри человеческой природы влечения к жизни и влечения к смерти. Фрейд закрепляет за Супер-Эго функцию агента влечения к смерти, выражающуюся в агрессивной потребности в наказании. Важно, что Супер-Эго преимущественно выполняет роль совести и внутреннего цензора для всех процессов внутри психики человека, которое может как отдавать приказы о наказании, так и о защите внутренних инстанций друг от друга. Например, когда наше бессознательное (Ид) требует убить человека за то, что он грубо нам ответил, Супер-Эго ответственно за наложение запрета на убийство, далее включается Эго и пытается направить этот разрушительный импульс в конструктивное русло, и вместо того, чтобы убивать обидчика, мы пишем о нем клевету в социальных сетях. В то время как Фрейд предписывал появление Супер-Эго в ответ на кастрирующий запрет эдипального отца, Мелани Кляйн выдвигает гипотезу о формировании Супер-Эго на гораздо более раннем этапе появления хорошей и плохой груди на оральной стадии развития. Здесь Кляйн подчеркивает, как деструктивные инстинкты привязываются к объекту. Этот аспект важен при рассмотрении искусственной девальвации образа матери и вообще женского в современной культуре.

Возвращаясь к идеям Мелани Кляйн, которые она постулирует в 1927 году в работе «Криминальные тенденции у нормальных детей», стоит отметить то, что в случае с террористами – то есть людьми, проявляющими

жестокость и насилие по отношению к другим, – мы говорим не о недостаточном или слабом Супер-Эго. Напротив, именно жестокость Супер-Эго ответственна за насильственное поведение индивида, в то время как смягчение Супер-Эго, например посредством психоаналитической работы, приводит к уменьшению действия садистических составляющих Супер-Эго. В этом отношении существует большой потенциал психоаналитической работы с лицами, ответственными за внутри- и межгосударственную политику (Кляйн, 2008).

Государственное Супер-Эго

Фрейд в «Недовольстве культурой» определяет цивилизацию как источник несчастья, недовольства и дискомфорта современного человека. В основном это происходит по причине неизбежного ограничения свободы личности, отказа от удовлетворения инстинктов и ограничения проявления сексуальности. Рассматривая государства как ячейки общемировой цивилизации, мы видим, что, становясь гражданами государства, люди жертвуют частью своей свободы и счастья в пользу большей безопасности (обмен немедленного удовольствия на долгосрочную стабильность). В результате мы чувствуем себя ограниченными и подавленными культурой. Вместе с этим мы живем в мире с понятными правилами, который создает условия для появления искусства, науки и образования, комфорта в различных его проявлениях.

Государство как большая группа людей, объединенная по национальному признаку, является обладателем тех же психических инстанций, что и отдельный индивид (Эго, Супер-Эго и Ид). Супер-Эго государства несет в себе как позитивную функцию в виде действующих законов и правил, которые обеспечивают защиту граждан, так и определенно негативную, как, например, в военное время, когда государство санкционирует убийства и насилие, которые считаются преступными в мирное время. Высвобождение инстинкта смерти и превалирование его над инстинктом жизни (Фрейд, 1992) под эгидой патриотизма или идеологии оказывает разрушительное влияние на личность людей, так как не может не спровоцировать колоссальное чувство вины, когда Супер-Эго попытается втиснуться обратно в свою цивилизованную «мирную» форму после окончания военных действий. Важно, что эта агрессия (инстинкт смерти) не является социальной – то есть не является продуктом цивилизации. Это психологическая, инстинктивная сила, которая движет как отдельным индивидом, так и всей цивилизацией (сообществом индивидов). Поэтому разрешение этой психологической (инстинктивной) природы агрессии и ненависти может происходить более зрелым способом, чем война, международный терроризм или геноцид, соответствующим сегодняшней ступени развития цивилизации. Стоит сделать важную отсылку к групповой динамике: когда индивид попадает в группу, то внутриспсихический процесс подавления бессознательных инстинктивных импульсов резко снижается либо аннулируется полностью. Поэтому именно в составе группы мы легче решаемся на импульсивные поступки.

Агрессия, направляемая группой на «врага», маскирует внутренние конфликты членов группы, поэтому группа нуждается во враге как внешнем объекте для своих проекций.

Роль проекции и проективной идентификации в стремлении к уничтожению «врага»

Опираясь на идеи Мелани Кляйн о параноидно-шизоидной позиции – период, через который проходят все люди на ранних этапах своего развития и на который возможна регрессия при столкновении с сильными потрясениями, с которыми психика не в состоянии справиться, – важно подчеркнуть следующее в контексте темы, которую мы рассматриваем. В параноидно-шизоидной позиции происходит разделение на плохие и хорошие объекты, причем хорошее интроецируется, а плохое экстернализуется и проецируется на кого-то или что-то. При этом использование проекции и расщепления определяет то, как мы видим других людей и относимся к ним, а использование проективной идентификации определяет то, как мы дирижируем тем, как другие относятся к нам и к самим себе в нашем присутствии.

Проективная идентификация играет критическую роль в вопросах необходимости иметь врага (как индивидуального, так и геополитического) – мы переносим в других людей (нацию, расу, пол, другую религию) ненавистные и плохие части себя, при этом люди, в которых мы эти непереносимые части вытесняем, начинают ненавидеть сами себя через интроекцию нашей ненависти. При этом, когда мы активно используем проективную идентификацию и выгружаем в других плохие части нашего Эго, мы истощаем сами себя и сильнее начинаем испытывать разрушительные чувства, например зависть или соперничество. Этот механизм объясняет проблемы войны, геноцида и терроризма на внутриспсихическом уровне. Использование механизма проекции мешает конфликтующим сторонам исследовать, понять и признать друг друга, поддерживая идею собственной исключительности («хорошести») и однозначной «плохости» врага.

В то время как пристыженная часть Эго проецируется на врага/жертву, которую нужно подвергнуть пыткам и уничтожить как символ собственного образа слабости, карательное Супер-Эго проецируется на террористические группы, агрессивных лидеров и прежде всего на образ Бога. Так, терроризм можно понимать как экстернализацию внутреннего конфликта архаичного Супер-Эго. История терроризма – это история стыда и негодования, а также их эксплуатации в целях получения власти и наживы.

Дегуманизация «врага»

Как происходит процесс обезчеловечивания «врага»? Сначала группа выбирает врага и гиперболизирует какое-либо различие. Затем происходит массовая регрессия группы на более примитивный уровень функционирования, где группа получает доступ к доэдипальной

(параноидно-шизоидной) ярости. Соответственно, враг воспринимается, как олицетворение всех плохих и негативных качеств. Механизм отрицания позволяет группе игнорировать то, что процесс надления врага плохими качествами проходит через проекцию (отщепление от себя и размещения в другом) этих же качеств самой группы. Таким образом враг становится настолько сильно презираемым, что перестает восприниматься человеком, о нем больше не говорят как о живом человеке с чувствами и правами, а исключительно в нечеловеческих терминах. Именно так нацисты воспринимали евреев – как паразитов, подлежащих уничтожению. Радикальные террористические группировки, например «Аль-Каида», запрещенная в России, рассматривает американскую нацию как «неверных» и демонов, которые должны быть уничтожены. В свою очередь американские граждане «защищаются» путем демонизации всего «бородатого» ислама. Говоря о конфликте между Израилем и Палестиной, можно отметить, что многие израильтяне считают палестинцев «грязью», а палестинцы в ответ считают израильтян грабителями в отношении земли, которую они вынуждены с ними делить.

Возможные решения

С точки зрения внутриспсихических процессов проблематика терроризма заключается в том, что тревоги, сопровождающие военные конфликты, ограничивают нашу способность к тестированию и критической проверке реальности. Если бы мы смогли на общегосударственном или даже общецивилизационном уровне осуществить повторную интроекцию, возвращение наших проекций, нашей ненависти, тревог и страхов перед Другим (другой расой, национальностью, культурой или полом), до того, как они причинят вред другому, то мог бы произойти обратный переход от санкционированной государством или террористической группой агрессии к индивидуальной агрессии, с которой уже можно иметь дело на своем уровне. Потребность к выражению агрессии и насилию можно реализовать мирными способами путем уравнивания конкурирующих интересов и подробного изучения собственных сознательных и бессознательных мотивов.

Важнейшей задачей будет изменить наши отношения с Другим и отказаться от привычки расщепляться и использования проективной идентификации, научиться принимать различия более инклюзивно и с опорой на либеральные принципы устройства мира и государства.

По словам Фрейда, Эго изменяется в процессе интроекции – таким образом, интроецируя объект в Эго, возможно достичь чувства сопричастности. Бион говорит о том, что связка «контейнер и контейнируемое» может быть успешна, если это взаимодействие взаимно позитивно – через позитивную проективную идентификацию или интроекцию (повторную интроекцию), что в результате означает здоровое принятие и адаптацию к Другому внутри себя и к себе внутри Другого (Byles, 2003).

Для того чтобы Супер-Эго смогло выполнять роль снижения активности проективной идентификации, необходимо приобретение навыка

связывания внутреннего и внешнего мира со всеми их взаимными страхами и тревогами. Все это в итоге сможет позволить нам организовать интеграцию внутреннего объектного мира, который сможет выдерживать бессознательные страхи, чувства ненависти и тревоги без необходимости расщепления и проекции.

Если перейти к конкретным общественным мерам, то важно признать, что позитивное разрешение проблемы терроризма – непростая и многосторонняя задача. Необходим комплексный межкультурный подход, при котором западные страны прекращают интервенции в государственное управление других стран, отказываются от поддержки диктатур и монархий, достигают интеграции демократического строя в полной мере, проявляют уважение к нерадикальным религиозным течениям, позволяя своему населению свободно выбирать веру и своих представителей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Кляйн М.* Психоаналитические труды. Т. 1: Развитие одного ребенка. Ижевск: ERGO, 2008.
2. *Фрейд З.* Недовольство культурой // Психоанализ. Религия. Культура. 1992. С. 296.
3. *Фрейд З.* Неизбежна ли война? Письмо Альберту Эйнштейну // По ту сторону принципа удовольствия. М.: Прогресс, 1992. С. 325–338.
4. *Akhtar S.* The tripod of terrorism // International Forum of Psychoanalysis. Routledge, 2017. Т. 26. №. 3. С. 139–159.
5. *Byles J. M.* Psychoanalysis and war: The superego and projective identification // Journal for the Psychoanalysis of Culture and Society. 2003. Т. 8. №. 2. С. 208–213.
6. *Goodwin J.* (2004). What Must We Explain to Explain Terrorism? Review Essay on Jessica Stern's, *Terror in the Name of God: Why Religious Militants Kill* (New York: Ecco, 2003).
7. *Mehmood S.* The roots of terrorism (Published March 18, 2013) <https://www.dawn.com/news/796177/the-roots-of-terrorism>.
8. *Rajeswari H.R.* US initiatives on terrorism: patterns of terrorism – 1999 // Strategic analysis. New Delhi, 2000. Vol. 24. № 5. P. 1005–1009.
9. *Wurmser L.* Psychoanalytic reflections on 9/11, terrorism, and genocidal prejudice: roots and sequels // Journal of the American Psychoanalytic Association. 2004. Т. 52. № 3. С. 911–926.

Psychoanalysis of terrorism: geopolitical or intrapsychic threat?

T. A. Shamanova

Shamanova Tatiana A., MPsych (Higher School of Economics), psychoanalytic consultant.

Terrorism as a phenomenon is widespread and has been known for a long time, but today, in the light of the imbalance in the global political and economic system and the openness of social borders present against this background, favorable conditions have formed for its spread. The popularization of the Western lifestyle, based on intensive consumption of products and services that are inaccessible to residents of developing countries, exposes the cultural and economic gap between the countries of the first and third world. While residents of prosperous countries play the role of conscientious consumers in the name of the prosperity of their states, watching this life residents of poor countries with inefficient economies feel even more oppressed. Difficult life in disadvantaged countries leads to the spread of terrorism in conditions of critical stratification of the world community. The main task of terrorists is to create a threat to peoples and Governments through violent actions, whom they consider oppressors or enemies. This should eventually lead to a change in the existing model of society (Rajeswari, 1999).

What if we look at this phenomenon from the inside of the human psyche of all the actors in this conflict: members of terrorist groups and their opponents waging a "war on terrorism"? What are the intrapsychic causes leading to the spread of terrorism? Can humanity live in peace or does terrorism reflect the need of human civilization for war? What role does the psychic instance of the Super-Ego and the protective mechanisms of projection and projective identification play in the physical extermination of other people?

"Why do we hate war so much, you and I and many others, why do we not perceive it as naturally as we perceive all other annoying sorrows of life? After all, war seems to flow from the very nature of things, has a solid biological basis, and in practice it can hardly be avoided." (Freud in a letter to Einstein).

Freud was the first to put forward the idea that war gives an outlet to suppressed impulses, namely, the death drive, which is inevitably present in the psyche of every living person. Since the death drive is unbearably difficult to endure mentally to avoid excessive overload, the psyche transforms internal psychotic anxiety into a real external danger in order to be able to control it. Thus, international terrorism and the so-called "war on terrorism" may be a necessary object for the internal aggression of modern civilization (Byles, 2003).

In this article, we will consider through a psychoanalytic prism the question of why war and the modern manifestation of war in the form of terrorism seem to be an inevitable and ineradicable part of human history, as Freud writes in his letter to Einstein, and whether civilization can move to a new stage of development, leaving military actions in the past.

Keywords: terrorism, civilization, state, projective identification, super-ego, projection, devaluation of the feminine, intrapsychic conflict.